

ВЛАДИМИР БЫКОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ
О ПРИРОДЕ
И ЖИЗНИ

16+

Владимир Быков

Размышления о природе и жизни

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Быков В.

Размышления о природе и жизни / В. Быков — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

Эта книга о проблемах и принципах организации природы и жизни в ней
всего живого.

© Быков В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Владимир Быков

Размышления о природе и жизни

Размышления о природе и жизни

Как двигать перестройку?

Часть 1

В последние годы накопился огромный публицистический материал по вопросам экономики. Написаны сотни статей с критикой нашего хозяйственного механизма, но с легко-весными предложениями, например, по быстрейшему отказу от того, что есть, и переходу к свободному рынку, аренде, кооперации и частной собственности. Достаточно ли обоснованы такие предложения? Похоже, их авторы не отдадут отчёта в исходном состоянии общества, с которого пришлось броситься в перестройку и обеспечить победу. Социальные системы инерционны и неспособны к быстрому переходу из одного состояния в другое. Раскручен огромный маховик, для остановки которого и нового запуска на полные обороты требуется время и немалое. Призванные же совершить данную операцию люди 70 лет воспитывались в духе неуклонной исполнительности и 100-процентного голосования в условиях отчуждения от собственности, отрицания нестандартности в поведении и мышлении. Именно они определяют неумение работать как низовых кадров, так и высшего звена управления. Просчёты в перестройке – прямой результат неспособности предвидеть последствия принимаемых решений.

Сторонники радикальных изменений явно пренебрегают отрицательными последствиями мелкобуржуазной стихии, хотя известно, что они тогда успешны, когда лишь в малой степени подправляют в желаемом направлении сложившиеся условия и отвечают тому, что выработано и признано самой жизнью.

Имеет место идеализация рынка, прикрываемого словом «социалистического», но рынок есть рынок и ничем он не отличается от капиталистического. К тому же мы находимся в начальной стадии экономической самостоятельности, в то время как капитализм давно миновал этап архаичной конкуренции и сейчас там достаточная культура предпринимательства и превосходная инфраструктура.

Нам нужны такие решения, когда их принимающие лишь в малой степени подправляют в желаемом направлении сложившиеся фактически условия, отвечающие тому, что выработано и признано жизнью.

Можно не подумав и не взвесив как следует, броситься строить какой-нибудь сарай. А дом? Разве можно представить строительство нового цеха, завода без комплексного проекта без точной оценки возможностей промышленности, строителей, их подготовленности, наличия материалов, комплектующих изделий? Почему же в области социальных, преобразований всё делается сверх решительно и целеустремлённо, как будто завтра конец мира и надо успеть хоть как-нибудь, но при нас?

Революция в тактическом разрешении проблем в отличие от революции в идеологии, стратегической концепции социального преобразования общества, требует, чтобы такие дела не строились в расчёте на людей в их новом качестве по умению, способности, деловой хватке. Становление таких людей – вопрос времени, и отнюдь не года и даже пятилетки.

Подобные отлично организованные предприятия, колхозы, институты имели место раньше. Но строились они на одержимости отдельных людей, на их буквально болезненном неприятии всего, что противоречит здравому смыслу и общечеловеческим ценностям, хотя и представлялись нам всегда как результат системы, её новых направлений. К сожалению, такое наблюдается и сейчас. Не только мной, но и многими моими коллегами негативная составляющая сегодняшней прессы признаётся на порядок более объективной, более достоверной в сравнении с её позитивной частью, что импонирует официальному кругу лиц.

Нужно не ломать, а делать перестройку, опираясь на то, что есть, как-то работало, и планомерно двигаться туда, куда хочется согласно нашим представлениям и желаниям. Старые структуры не так плохи – они отработаны временем. Основной недостаток их – отсутствие самостоятельности исполнителей всех рангов в вопросах, выходящих за рамки узаконенного стандарта. В результате известные положительные качества (стабильность, высокая концентрация капитала и т. д.) в огромной степени перекрываются невозможностью оперативного вмешательства в процессы с целью их оптимизации.

Нужно управление экономикой и государством поставить на рельсы инженерной практики с её отработанной системой анализа ситуации, подготовки решений, рассмотрения и доведения их до логического конца. Если бы мы инженеры работали в ключе, где программы готовятся сотнями людей, а уточняются и принимаются в окончательном виде голосованием тысячи делегатов съезда, то мы не имели бы сегодня, наверное, ни одного более или менее добротного, а тем паче, уникального сооружения. Здесь каждый объект человекотворчества имеет единственного главного инженера проекта, или руководителя программы, несущих ответственность в целом за объект и делегирующих свои полномочия другим с такой же персональной ответственностью за отдельные его составные части. Действует такая главнейшая категория системы как техническое задание, в котором отражаются потребительские требования заказчика к будущему объекту. И если заказчик не способен чётко сформулировать требования, то не только не начнут строить, но никому в голову не придёт даже ставить вопрос о его создании. Есть и чёткая процедура обсуждения и критики создаваемого с привлечением любых специалистов. Но только на условиях рекомендаций, например, техсовета и права принятия окончательного решения главным конструктором автором проекта. Это решение, естественно, может быть отклонено заказчиком. Но тогда он должен подыскать себе другого исполнителя, ибо только так можно получить завершённый по замыслу логически законченный и увязанный в отдельных частях проект. В противном случае – конгломерат противоречащих друг другу установлений, музыкальная какофония и тем большая, чем большим количеством участников он будет сочиняться.

Возможно, в области управления и социальных вопросах допустимы какие-то отклонения от приведённого порядка. Но убеждён, чем они дальше от него, тем больший сумбур мы получим. Коллегиальное творчество при равных правах его «творцов» пригодно для разрушения, а не созидания. Решения и заявления от имени коллективов, партии, государства – это безответственное разложение общества. Оно может принять или отклонить любую предлагаемую ему программу, но та должна быть программой конкретного автора, а не эмоционально голосующего собрания. Всё, что у нас плохо работало или совсем не работало, – есть продукт именно такой голосовательно-скоропалительной процедуры.

Конечно, это далеко не полная характеристика исходных позиций для перестройки, тут только та часть, что нужна нам для обоснования предлагаемого.

Правильное управление есть функция общей культуры общества, качественной инфраструктуры. Последнее необходимо даже для самых очевидных и сугубо конкретных организационных мероприятий. Разве непонятна недопустимость приватизации заведомо монопольных отраслей, вроде нефтегазовой, энергетической, угольной...? А ведь провели, протащили. Что, в интересах народного хозяйства? От живота, от жадности, жажды укрепиться во власти. А разодрали Союз? Разве то признак высокой культуры авторов раздрая?

Мы мечтаем о научном, по теории вероятности и прочим наукам, управлении, а «практичные» люди думают, как бы урвать побольше кусок от ничейного пирога.

Почему о Союзе с его большим, чем в любой другой стране числом людей с высшим и средним образованием думают, как о стране отсталой. А потому, что мы действительно отстали, и давно уже начали отставать из-за непомерно долгого строительства марксистско-распределительного общества с уравниловкой и беззаботно бедной обеспеченностью. Общества

утопии, которое, вне придуманной естественной борьбы за существование, просто неспособно нормально функционировать и соревноваться с теми, кто живет в заботах и постоянном противостоянии друг другу.

Мы сейчас переживаем период необузданного капитализма – своеобразной платы за утопию. Идет процесс отбора и ухода со сцены не умеющих бороться, но и одновременно становится заметным процесс так нужного нам истинного созидания.

Один пример. Дамир Гайнанов (выходец из нашего Ниитяжмашевского коллектива, что вдвойне занимательно) организовал с другими нашими же, в основном, сотоварищами фирму «ДАТА ЦЕНТР». И чем они занялись? Влезли в банковское оборудование, в три года соорудили почти чудо, и вышли на рынок и международные выставки с поставленной на приличное производство машиной... для сортировки денежных купюр, с почти мгновенной перестройкой на любой их вид, и выполнением диагностики купленных машин через Интернет. Получив кое-какие дивиденды, занялись другим банковским хозяйством – автоматизированной системой хранения ценностей. А сейчас мы, дабы влезть им в автоматизацию процессов на современном уровне, разрабатываем техпроект сортовой МНЛЗ для одного из метзаводов.

В конторе у Дамира 60 персональных лучших компьютеров, с самыми последними программами автоматизированного проектирования, подключенных к Интернету. То же он сделал для ведущих работников на дому.

Обработка документации, информационное обеспечение – все механизировано, никаких шкафов и архивов. Пришел я на завод в свой отдел привлечь ребят к разработке упомянутого проекта – стыдобина, как было, так и осталось: сидят девочки и пишут спецификации, а мальчики (и только некоторые) работают на Автокаде времен Ласточкина. Это тогда, когда на ДАТА-вском экране изделие крутится во всех мыслимых проекциях, а в ответ на мою просьбу показать разрез достаточно сложного узла по произвольно выбранному мною наклонному сечению, машина выдала его (правда минуты за три) со всеми действительными размерами всех элементов узла, попавших в назначенное сечение. Об остальных возможностях системы я не говорю: кажется, она может абсолютно все представляемое, мне нужное. Я был умилен, примерно так же, как от возможностей Word, когда впервые сел за него после работы на нашем отдельском крокодиле, но только в степени, показатель которой вытекает из соотношения сложностей данных двух программ.

К сожалению, подобное пока исключение, ибо, как я установил, по таким законам очень медленного подъема начинаются все новые процессы. Тем не менее, это есть прямое подтверждение наличия у нас действительно многих «очень грамотных специалистов». Беда в том, что, как в том каламбуре, «у нас пока один, то умница и почти гений, а как вместе – то стадо дураков».

Кем был ранее Дамир? Выделялся, конечно, и только. А теперь он бог, не только в одиночку, но и в компании. Видны в ней и многие другие.

Интуиция не только постижение истины без логического обоснования, основанное на собственном опыте, чутье или пронизательности конкретной личности. Нечто большее, – это дух природы, оплодотворяющий нашу мысль через информацию, накопленную и неким образом обработанную и приспособленную живой жизнью для указанного на нас воздействия. Мы наполнены не только собственными знаниями и опытом, а, в неизмеримо большей степени, таковыми предшествующего живого мира. Как они попадают в наше сознание и как извлекаются – меня не интересует, достаточно факта тесноты идей и бесконечной их повторяемости. Лишь истинным открытиям суждено быть «первыми» с тем, чтобы, в конце концов, также подвергнуться неизбежному повторению. Я назвал этот процесс интуитивным финализмом, вытекающим из predetermined природой целей и законов жизни.

Не буду ничего придумывать, а постараюсь обосновать сказанное на основе личных впечатлений и мыслей, подтверждаемых, жизнью.

Безусловно, среди соответствующего моим взглядам встречались и продолжают встречаться много соображений противоположного звучания. Однако меня последние никогда не расстраивали и не удручали, поскольку в подавляющем числе случаев они исходили от людей мной мало или совсем не уважаемых: лживых по природе политиков, разного рода чистых философов, публицистов и прочей по заказу пишущей братии. Например, таких, что вдруг взяли на вооружение прямо противоположное ими звучно декламировавшемуся при советской власти. Подобные метаморфозы, естественно, никак нельзя объяснить объективным или возрастным изменением их авторских взглядов: они явно не укладывались в категорию нормально-здорового мышления. Тем не менее и эти представления я подвергал сомнению, до тех пор пока не получал подтверждений им аналогичной точкой зрения, исходящей от заслуживающей доверия личности. И уже совсем полностью исключал таковое, когда устанавливал, что моих взглядов придерживаются совсем мне импонирующие давно знакомые люди, особо из тех, кто всю жизнь занимался истинно полезным делом.

Более того, когда писал «Заметки» я пришел к выводу, конечно, не доказанному, но, на мой взгляд, вероятно верному, что не только живое от живого получает информацию, но и сама исходная материя не могла не передать живому своих законов существования. Вколотить в сознание человека методом обучения столько, сколько он знает сегодня, без подготовки его еще в утробной (и предшествующей ей) жизни было бы невозможно. Опять же, не зря говорят, и давно говорят, как он что-то «впитал с молоком матери». Житейская мудрость, из века в век повторяющаяся человеческая глупость обязаны, кажется, тому же закону природы.

Кстати, из конструкторской практики я установил, что нашим коллегам, да и нам самим, свойственны практически одни и те же недоработки и упущения в работе. После того как я написал на эту тему «Памятку», в течение многих прошедших лет я встречаюсь с таковыми в том же практически неизменяемом наборе, без какого-либо исключения.

Пока все идет в полном соответствии с моими предсказаниями, и как не печально и как не хотелось бы, видимо, и далее будет продолжаться в том же духе. Из трагедии нас выгащит только время и повышение общей культуры, а такой продукт за сезон не выращивается.

На днях его пропололи, воздав должное памяти гениальному Витте.

Сегодня исполнилось 150 лет со дня рождения физиолога Ивана Петровича Павлова, который состоявшими на службе прагматика «всех времен и народов» Сталина, был превращен чуть не в главного апологета диалектического материализма. Знаменательны в этом плане взаимоотношения между марксистским ортодоксом Бухариным и таким же фактически ортодоксом, но в физиологии, Павловым.

Начались они с взаимной критики: одного – «в догматическом характере марксизма», а второго, как и должно в подобных спорах, – в столь же догматической обывательской «точке зрения». Павлов при этом, надо признать, выглядел, несмотря на всю его ортодоксальность, много сильнее, чем Бухарин, писавший все в виде: красивых словосочетаний и несбывшихся мечтаний, вне логики и здоровой аргументации. Так в споре прошло несколько лет, пока Бухарин не получил «соответствующих указаний». Он встречается с Павловым «на равных», поет разные приятности, в чем-то соглашается, чего-то обещает... и между ними, в полном согласии с марксистским «бытием, определяющим сознание», учиняется мгновенно тесная дружба. Павлов становится защитником советской власти, а Бухарин избирается Академиком, возглавляет Институт истории науки и техники, регулярно наезжает в Ленинград и встречается там со своим коллегой. Такова метаморфоза!

Условные рефлексy, пригодные, разве, для объяснения поведения червяка; диалектический материализм вне природного естества всего живого – прямое следствие человеческой одержимости. Не зря еще один ортодокс, Троцкий в прямой спор с Павловым не вступал и просто полуиздевательски написал ему в частном письме, что его учение, «как частный случай, охватывает теорию Фрейда, с ее сублимированием сексуальной энергии». Но, в отличие

от фрейдистского «полунаучного, полубеллетристического метода вприглядку, сверху вниз, оно, – писал Троцкий, – опускается на дно и экспериментально восходит вверх», а потому «оценка психоаналитической теории Фрейда под углом зрения теории условных рефлексов составила бы благодарную задачу для «одного из Ваших учеников...». Такова в данной истории реакция Троцкого!

До чего же приятно чувствовать себя, не заикленным на чем-либо, нормальным человеком. К этим трем одержимым «светочам» мировой мысли я относился всегда критически и не менял взглядов на них со студенческих лет.

Ну, а причем тут Сталин? Все говорит о том, что именно по его указанию Бухарин «влетел» в очередной раж демонстрации своих «интеллектуальных» возможностей перед Павловым, неадекватно воспринятых последним... Но в полном соответствии с желаниями Сталина по использованию имени ученого для пропаганды достижений страны Советов и ее Главного строителя.

Горький, Толстой, Куприн, теперь еще и Павлов – все для одного и того же. Драчка Бухарина началась при Ленине, а мир между ними – при Сталине.

Не могу спокойно слушать многих гуманитариев, особенно экономистов старой школы воспитания, когда не было и в помине никакой экономики, а была одна политэкономия. Вот и сегодня по утреннему радио – ее отголоски вне логики и здравого смысла. Выступал один обществовед и долго говорил о способности человека находить пути выхода из любых неприятных ситуаций.

В качестве примера сослался на неминуемый энергетический кризис, ожидаемый и предсказываемый еще в 30 годы прошлого века, и как он легко будто блокировался открытием атомной энергии. А затем, через пару фраз, забыв о произнесенном, в контексте неудовлетворенности человечеством, заявил. Потому, видите ли, что оно занималось одними физическими науками, углубилось в атом, микроэлектронику и забыло о душе человека, нравственности. Не обратили внимания на устремленность к вещизму, излишествам, роскоши. Нужно срочно менять наши подходы и заняться глобальными исследованиями природы человека, его духа, дабы направить его на путь истинный, оторгнуть от такой болезненной устремленности. Вот если бы этими исследованиями занялись раньше, то не было бы никакого теперешнего кризиса. Милые глупости! Но ведь и ранее их было полно этих глобалистов, жаждущих мгновенно переделать мир с помощью какой-нибудь все исцеляющей таблетки. Разве Маркс и Ленин пропагандировали, в основе, нечто иное?

Или, недавно умерший А. Паникин предсказал через 10 лет полную катастрофу теперешнего общества, а по моей оценке к этому времени мы почувствуем, наоборот, его положительный потенциал, поскольку именно к этому времени на социальной сцене появится второе поколение людей с новой системой ценностей и новым менталитетом.

Письмо Путину.

«Уважаемый Президент Владимир Владимирович! Несмотря на мою, в принципе почти безошибочную, оценку всех негативных решений последних 10–12 лет (подчеркну, – оценки на самых ранних этапах их практической реализации), я, тем не менее, как и все настроенный на волну чисто российской веры и надежды на доброе будущее, – надеялся и ждал. В какой-то мере, правда, такое состояние объяснялось периодически возникавшими мыслями, что там, в руководстве страной, может, тоже поняли и сейчас как раз поворачиваются в нужную сторону. Нет, всё шло и продолжает идти в прежнем духе.

В стратегическом плане, Вам это известно лучше меня, положение почти планомерно становится все хуже и хуже, а видимость внешнего, как я называю, витринного благополучия последние годы искусственно поддерживалась отчасти за счет огромной инерционности социального механизма, а, главным образом, распродажей и прямым грабежом созданного трудом нескольких поколений советского народа. Некоторая привилегированность Уральского реги-

она позволила, кажется, лишь отодвинуть приближение катастрофы, на которую уже давно и устойчиво вышли наши Север и Дальний Восток. Сегодняшние решения правительства по выходу из кризиса обещающи. Однако, при внимательном их рассмотрении оказываются на том же уровне: либо утопических ожиданий, либо прямого обмана себя и народа (отдельные признаки последнего есть, они на виду у всех).

Аналогичное положение имеет место и на родном Уралмаше. Много шума, разных движений, структурных реорганизаций, а результат – сокращение объемов производства, повышение себестоимости продукции, увеличение масштабов скрытой безработицы, перевод огромного числа людей из сферы созидания в сферу управления, продаж, посредничества. Безусловно, что-то из не радующего на заводе можно объяснить неправильными действиями руководства, но в принципиальной основе оно является следствием внешних обстоятельств: резким для переходного периода уходом государства от активного управления хозяйством и бездумной приватизации там, где таковую делать было недопустимо.

Позволю начать с ряда проблем, не выделяя в интересах полноты те из них, что могут отнесены к известным и, даже больше, – к общепризнанным.

Почему нет порядка, царит анархия, беззаконие и полнейшая материальная безответственность отдельных лиц за элементарные отклонения от общепринятых правил, почему мы слышим только о грабежах, убийствах, о иных нарушениях, открытии новых уголовных дел и практически ни слова о наказаниях за преступления, что по всем нормам следует считать преступлениями века?

Почему на протяжении лет «перестройки» и новой России мы стали заложниками колоссальных финансовых афер: спекулятивных махинаций; заемных пирамид; более «культурных» (в сравнении с последними) игр на банковских ставках и валютных курсах рубля; наконец, менее видимых, но столь же ощутимых других противозаконных операций?

Почему господствуют чисто монетарные представления об экономике и ведутся бесконечные разговоры о деньгах, ведь последние есть функция произведенной продукции, а не наоборот? Разве не очевидно, что при более чем 20-процентной действующей сегодня банковской ставке рефинансирования и соотносительном росте годового производства в 5 – 7 процентов разговоры о какой-то стабилизации – есть откровенная маниловщина?

Почему до сих пор полагаем, что одним снижением налогов можно обеспечить заметный рост производства, в то время, как известно, что производством, его ростом, постановкой новой продукции, снижением ее себестоимости и другими подобными вещами надо заниматься непосредственно и по инженерному?

Почему допустили преступно-грабительский характер приватизации, занизили стоимость народного имущества в сотни и тысячу раз, придумали систему резко дифференцированного приобретения от нее благ меньшинством и, соответственно, большинством населения. Допустили неравенство отдельных его слоев в силу случайной привязки их к тем или иным различным по практической значимости объектам приватизации? Не оценили негативных последствий приватизации базовых добывающих и энергетических отраслей, определяющих стратегическую независимость страны? Разве всё это не обязывает государство пересмотреть в разумных пределах итоги приватизации, придумать законные способы и вернуть обратно весомую часть народного имущества и денежных средств?

Почему, проведя приватизацию, исключили полностью возможность воздействия на производство работающего персонала предприятий и не осознали тех же негативных ее последствий там, где предприятия окажутся в собственности спекулятивно мыслящих субъектов?

Почему долго не признавали (открыто, а не так, – между прочим) самой большой ошибкой власти – организацию жизни огромной страны на подачки, под кредит, расходуемый на потребление? Ни одна уважающая себя страна (да, что страна, уважающая себя семья) не позволяла себе такой легкости. Деньги всегда занимались под дело, дабы пустить их в оборот,

быстро получить навар и с выгодой для себя рассчитаться с долгом. Желание займом погасить сегодняшний «маленький» пожар непременно сопряжено с возникновением более сильного завтра. Почему все заемные деньги государство не вкладывало только в доказательно доходные мероприятия?

Почему как были, так и остаемся, преисполнены желаниями быстро вылезти из теперешнего состояния или, по крайней мере, представлять народу его близкое будущее в розовом цвете? Разве нереальные планы и неразумные ожидания не столь же вредны, как и неправильные шаги?

Почему от разговоров о защите отечественного производителя не перешли к самым решительным практическим шагам – жесточайшей протекционистской политике, которую 100 лет назад настойчиво пропагандировал и проводил в жизнь великий государственный Витте и которой руководствовался Сталин?

Вопрос создания конкурентоспособной техники киданием шапок не решается. Нужен протекционизм, нужно жить в рамках того, что умеем, на что способны. К слову, если бы в горбачевские времена власть руководствовалась правильной ценовой политикой и весь отечественный и покупаемый за нефтедоллары дефицит (и все остальное из области такого же знака услуг) продавала (предоставляла) по действительной их ценности, не исключено, что мы бы еще и сегодня жили при социализме.

В 80-е годы в Китае имело место крупнейшее, иногда буквально раз в 10, расхождение в цене на товары и продукты иностранного и местного производства, довольно часто даже без видимого отличия в их качестве. А что сотворили мы? Не имея на то реальных возможностей, учинили «здоровое» соревнование со всем миром. Закрыли чуть не полностью собственное производство, особенно потребительских товаров. Думаю, Вы согласитесь, что, лишившись последнего, мы загнали сами себя в угол. Восстановление их производства на любом уровне, и даже в «родной» дрянной упаковке, – не есть ли задача наипервейшая, самая главная для подъема страны? Что касается средств производства, то почему просто законодательно не запретили покупать за кордоном то, что умели худо-бедно делать сами и что еще можем делать сейчас?

Почему не оградили себя от бутылочно-упаковочных инвестиций, сегодня вытаскивающих из кармана покупателя 30 процентов его нищенского дохода, а от неумения утилизировать и низкой культуры, буквально захлапивших и замусоривших всю страну? Почему позволили производителям продуктов и товаров объяснять нам повышение цен на продукцию установкой иностранных упаковочных линий, специально сделанных под того же происхождения материалы? Разве мы только по одному этому факту не оказались в положении некоей африканской державки?

Почему теперь, уже при Вашем управлении страной, принимается неведомый доселе (да еще после воровской приватизации, при которой такой гигант, как Уралмаш, акционировался по цене пяти его станков) одинаковый для всех налог на доход? Разве он отвечает интересам государства и народа? Или, под придуманным лозунгом якобы «лучшей» его собираемости, не благодетельствует целенаправленно все тех же господ, одержимо настроенных на обогащение и захват места под солнцем?

Проблема монополии. Она возвращает меня к чувству обиды за свершаемые ошибки, за неумение задать себе вовремя лишний вопрос, за непонимание той истины, что очень легко допустить ошибку и, ой-ой, как тяжело ее исправить. И, тем не менее, почему не возвращаемся, чего бы это ни стоило, к государственной монополии на энергетику и всё, что связано с использованием недр? Ведь это позволило бы, кроме того, обуздать и как-то стабилизировать разваленный полной свободой частный рынок.

Разве с первых подвижек к рынку, было не ясно, что на переходных рубежах должно иметь место разумное сочетание государственной и частной собственности и что если этого не сделаем, – низкая культура и рваческий настрой собственника будут неизбежно вызывать

сокращение производства жизненно необходимых предметов за счет повышения их цены? Неужели не ясно, что без активного вмешательства государства такой процесс «удовлетворения» покупательной потребности населения чреват социальным взрывом? В ажиотажный период спекулятивного взлета доллара, рынок прямо не работал, да и продолжает ли работать, по названной формуле, руководствуясь уже и чисто житейским эгоизмом: зачем готовить и везти на рынок тонну товара, когда можно доставить половину, но при двойной цене?

К сожалению, это делается порой наглым образом и, такое впечатление, весьма бесконтрольно со стороны власти, по законам запрещенным моментам, например, мгновенному изменению продавцом цены наличного товара, продажи товара по цене выше утвержденной прейскурантом и т. д.

Почему до сих пор не отказались от безобразной практики крупного и мелкого надувательства людей, их мелочного обмана, не исполнения вчера им обещанного? Раньше нас мало обманывали, нам лгали идейно. Сейчас с нами жульничают, на чисто житейском уровне.

Характерный пример. Узаконенная Центробанком в 1998 г. процедура перевода вкладов из ряда коммерческих банков в Сбербанк на условиях, дополнительного к основному, ограбления вкладчиков. Разговоры о планируемой на 99 год 30-процентной инфляции при установленной 60-процентной ставке рефинансирования и явно искусственной в спекулятивных целях трехкратной девальвацией рубля. Или, в последнее время, вдруг мгновенное повышение более чем в полтора раза платы за коммунальные услуги при одновременном столь же нахальном назначении дополнительных статей оплат за некие «найм жилья» и «капитальный» его ремонт. И все при семипроцентном, кстати, повышении размера пенсий. Аналогичное творится с трудовыми вкладами населения, компенсируемыми сегодня, с одобрения Государства, на уровне двадцатой части их фактического размера, вне какого либо, исключая вклады умерших, учета сегодняшней реальной стоимости рубля.

А ведь еще небезызвестный Гамильтон, в аналогичной ситуации строительства новой Америки, категорически отметал все «легкие» варианты ликвидации или уменьшения государственного долга. Считал неприемлемым для государства отступление от своих обязательств, дабы «не опрокинуть всю общественную мораль. Иначе, – добавлял он, – у вас будет что угодно – анархия, деспотизм, но только не справедливое и налаженное государство».

Думаю, что во всем – и в налогах, и в решениях частных моментов жизни требуется дифференцированный подход, особо в части изменений вполне разумного, что имело место ранее. Не создать ли специальную комиссию, и не посмотреть ли ей – какими излишними процедурами, какими «свежими» бумажками и прочими неразумными требованиями, в сравнении с «бюрократическими» советскими временами, обросла жизнь рядового гражданина в век свободы и демократии?

О доверии между народом и государством, между предприятием и работником у нас говорили и говорят много, но практически мало что делается, и ладно бы по случаям, когда действительно кто-то пролетел, а признаться в том трудно. Нет, – и в большинстве случаев тогда, когда избежать мелкой лжи или такого же размера надувательства, ничего не стоит. Разве в настоящей ситуации заявления о создании атмосферы доверия к правительству не являются пустыми словами?

Почему увлеклись помпезностью, роскошью, дворцами приемов, коврами, люстрами, цветами даже в местах сугубо служебных и деловых совещаний? И всё это на фоне разорения страны и нищеты населения. Разве напыщенный интерьер дома Государственной думы хоть сколько-то похож на строгий деловой вид прежнего Госплана? Разве не так же отличаются кабинет теперешнего Премьера от такового бывшего Председателя Совмина? Да и Вы лично, кажется, здесь не отстаете и действуете вполне в ногу со временем. Почему народные деньги тратятся на излишества, на то, что отнюдь не работает на доверие народа к власти, а вызывает у людей чувство неловкости, а то и прямое озлобление?

Текущее состояние общества есть функция его культуры. Это аксиома. Поскольку культура общества (в полном интегральном значении) не может измениться ни в день, ни в год, становится очевидно понятным нами сотворенное за годы советской власти, а сегодняшнее положение есть следствие данного творения. И, наоборот, наше мощное становление в начальные три-четыре десятилетия предыдущего правления, обязано высокой культуре первого (и, отчасти, еще мало испорченного второго) поколений людей, воспитанных прямо (или косвенно) деловой дореволюционной средой.

Почему же сейчас после мощнейшей критики стратегии прошлого ринулись в другую крайность – разнузданности и этакой пропаганды пошло легкой жизни, глупейших фильмов и рекламы, телевизионных игр во все, что только можно придумать? В том же Китае в годы его становления китайское телевидение чуть не половину времени было «забито» уроками и лекциями для учащихся и студентов, для желающих получить знания в самых разных областях. Мы, что глупее китайцев? Разве не ясно, что всеми средствами информации мы должны настраивать народ на преодоление трудностей, на работу, а не пустое времяпрепровождение, танцульки и десятилетнее отгадывание слов в Поле Чудес?

Почему это мы так самозабвенно ринулись в демократию и почему она так сильно защищается не только кое-кем из нас, но и западным миром?

Как ответить на все эти и другие, тут не названные, вопросы? Будь один два – их можно было бы списать на незнание, на ошибки исполнительной власти. В данном случае и само количество, и характер вопросов позволяют нам сделать только одно единственное заключение. Они – результат явно сознательных эгоистических решений и действий вполне определенного круга лиц, следствие предоставленной им системой свободы вне общепринятых и отработанных жизнью правил поведения, отвечающих интересам подавляющего большинства созидательной части общества. Они прямо вытекают из ответов на последние два вопроса.

Эксплуатация, хоть при социализме, хоть при рынке, не есть признак испорченного или несовершенного общества: она – одна из характеристик, почти физиологическая функция, всего живого. Но... до тех пор, пока эксплуатация не превращается, – вспомним больного Ницше, – в цель жизни, в пресловутый продукт «следствия воли к власти», его культ «сверхчеловека», ненависть к «посредственности» и озлобленное противопоставление одного другому.

Жизнь строится на компромиссе, на разумном сочетании всего и вся и дополнении одного другим. В плане нас интересующем следует.

Что имеется в виду такая норма эксплуатации, при которой богатые и умные, знающие и умеющие должны получать несколько, соразмерно, меньше, чем они обществу дают, и компенсировать тем ущербность «несостоявшихся».

Что последние являются продуктом социума, ответственного за всю совокупность живого и, в том числе, за организацию первыми названного компромисса. Что, наконец, сверхэксплуатация рано или поздно вызывает деградацию общества, прежде всего, его «аристократических» верхов, их разложение, ожирение и неспособность к достойному использованию и воли, и власти.

Что отсюда проистекает ненависть «черни», а из нее – жажда мести, террор (о котором все заговорили), бунты и революции.

Вне надлежашей культуры общества установление демократической формы правления чревато колоссальными издержками, соизмеримыми с издержками советской власти. Демократия без культуры – та же утопия, что и социализм. Это грабеж государства и народа, национализм, массовая преступность, бессмысленная политическая борьба, неконтролируемое зверское обогащение меньшинства. Подобная демократия выгодна только этому меньшинству.

Не относится ли в полной мере к нашей развращенной сегодняшней действительности предупреждение Макиавелли, сделанное им 500 лет назад?

«В развращенных городах сохранить республику или же создать ее – дело трудное, а то и совсем невозможное. А ежели все-таки ее в них пришлось бы создавать или поддерживать, то тогда необходимо было бы ввести в ней режим скорее монархический, нежели демократический, с тем, чтобы люди, которые по причине их наглости не могут быть исправлены законами, в какой-то мере обуздывались властью как бы царской».

Не будем говорить о монархии: обратная дорога не легче дороги вперед.

Главный вывод о выходе из создавшегося положения напрашивается определенный.

Мы должны жесточайшим образом усилить роль государства, причем не только в плане упомянутого обуздания всякого рвачества, но и в плане организующего влияния, вытекающего прямо из требований переходного периода жизни страны, периода не установившихся связей и не полностью отработанных процедур. Того влияния, которое необходимо было бы сохранить и обеспечить с первых дней всех наших перестроек.

Для ускорения строительства социально справедливого и самостоятельного государства, бросить все силы на подъем культуры людей, подчинить ему среднюю и высшую школы, поднять престижность преподавательского труда и привлечь в эту сферу наиболее талантливых людей, подчинить средства массовой информации и пропаганды настрою на учебу и созидание, на повышение культуры жизни и работы. Сегодня ищут общенациональную идею. Начать всем учиться, начать строить собственными силами, – не есть ли эта самая объединяющая всех идея?

Дабы уменьшить хаос, исключить заведомо ошибочные волевые шаги и не создавать нежелательных ситуаций для противоправных и нечестных поползновений, подчинить все наши решения, постановления, иные организационные мероприятия и даже наши желания инерционным возможностям хозяйственной системы по скорости ее перевода из одного состояния в другое. Наглядный пример обратного – все финансовые пертурбации последних лет, что не соответствовали текущему реальному состоянию хозяйства страны и потому становились базой для безобразных своей открытостью разных махинаций.

Добиться таких государственных решений, которые бы максимально соответствовали интересам делового большинства населения. Пока не будет хотя бы видимого соответствия между интересами государства и личности – не будет ни доверия между ними, ни настроя на дело. Люди будут обсуждать проблемы их обмана, надувательства или ущемления интересов, а не думать о работе. Между государством (представляющей его организацией) и конкретной личностью должен иметь место определенный минимум адекватности в оценке того, что касается их интересов. Чем больше последние будут сближены между собой, тем более созидательным будет дух народа. В этом деле, когда нет возможности сделать как нужно, всегда лучше самая плохая правда, чем любая ложь. Сейчас, похоже, эта житейская истина предана полному забвению.

Наконец, мы никуда не двинемся и никого по настоящему к себе не привлечем, если не сделаем свое государство государством законопослушных людей, не создадим обстановку неотвратимости наказания за совершение противоправного. А в плане последнего, не вырабатываем систему наказания должностных лиц за любые антинародные действия по оценке их конечного результата – только результата, вне причин его возникновения. Незнание, неумение, ошибка, не все прочие защитительные атрибуты существующего судопроизводства не должны приниматься во внимание при рассмотрении служебного проступка должностным лицом, если только он не вызван форс-мажорными обстоятельствами. Общество в подобных случаях должен интересоваться только результатом, а не его подоплека. Не знаешь, не умеешь, – не садись за руль государственного управления. Впрочем, и за любой другой руль.

За финансовую аферу 1998г, в недельный срок извлекшую из кармана подавляющей части населения две трети его дохода в угоду обогащения ничтожной кучки людей, должны были бы понести самое жесточайшее наказание вполне известные, однозначно к сему делу

причастные, должностные лица. Преступно оправдывать их действия некими привходящими обстоятельствами. Должно действовать, аналогичное давно признанному, правило: любое «незнание» должностного лица не должно освобождать его от ответственности за должностной проступок. Другого выхода из вакханалии преступлений, в которой оказалась наша страна, кажется, – и нет.

Что касается остальных предложений, то они прямо вытекают из мной поставленных выше вопросов. Их нужно просто снять соответствующими решениями и действиями».

Сегодня получил хотя и казенный, но вполне корректный ответ от президентской команды на это письмо Путину.

«Ваше обращение на имя Президента Российской Федерации Путина рассмотрено. Поставленные Вами проблемы, несомненно, являются одними из самых наболевших и находятся в центре внимания как самого Президента Путина, так и Администрации Президента России. Но, как верно отмечено, совокупный результат этих усилий пока еще не устраивает общество и необходимость активизации государственной политики в области информации, образования, госуправления ощущается довольно остро. В настоящее время эти проблемы постоянно находятся на контроле российского руководства, а мнения и предложения граждан России по этому поводу обобщаются и учитываются в нашей повседневной работе. Благодарим Вас за присланные материалы.

С уважением. Заместитель начальника Главного управления внутренней политики Президента Российской Федерации А. Ситнин».

Часто говорят о якобы некоем принципиально особом мышлении человека и ему противоположном, основанном лишь «на приобретенном опыте», мышлении остальных животных (имеется в виду – высших животных – например, коровы). А я думаю, что таким способом мыслит даже червяк. Дело только в масштабах мышления, в сложности решаемых задач, а отнюдь не в принципиальной его основе. Пример. Волк разумно уходит от погони, собака срезает путь и бежит по диагонали с явным расчетом на упреждение. Более сложный, случай. Мой дог на лыжне, с полуметровой палкой в зубах, определял расстояние в свету между двумя соснами с точностью до ста миллиметров. Если оно превышало 600 мм, то бежал прямо по лыжне, а если менее 600 мм, то сходил с лыжни и обходил одну из сосен, дабы гарантированно не врезаться концами палки в сосны и не ударить по своим зубам. Чувствовал и оценивал не размеры своего тела, что понятно, а размеры постороннего предмета – палки.

Не надо думать о человеке, как об особенном чуде природы. Животных инстинктов у нас не менее чем у других обитателей. Нам только кажется, что мы все делаем осознано, на основе «логического мышления». Часто, полагаю, с его помощью лишь объясняем сделанное.

Несколько слов о Боге и религии. Мое отношение к данным категориям известно. В мире есть более магическая, расставляющая все по местам, такая субстанция, как *Бесконечность*. В ней все: и таинства мира, и открываемые человеком частные законы жизни и полная непознаваемость последней, прежде всего, относительно исходных причин устройства вселенной. Кстати, применительно к данной «проблеме» математик Вейл выразился аналогично, и даже элегантнее. «Бог, как завершенное бесконечное, не может и не будет постигнут разумом. Ни Бог не проникнет в человека путем откровения, ни человек не постигнет Бога путем мистического восприятия. Но... это завершенное Бесконечное может быть точно выражено математически». Вот почему я не мучаюсь и не задаю подобных вопросов. Я не против даже самых необычных гипотез, но только для направления ума и сил на конкретное исследование в целях попытки открытия еще одной частности в сфере созидания.

«О книге А. Яковлева «Омут памяти» и о нем самом. Моя исходная позиция. Судить и делать выводы о человеке, на что-то в жизни претендовавшего и в какой-то степени ее ход определявшего, – можно только по конкретным делам, а не по им пропагандируемому, к тому еще и после «драки». Тем более, когда речь идет о политике,

Яковлев, критикует первичность бытия перед сознанием, хотя для него – типичного представителя когорты прожженных политиканов – бытие, наоборот, только и определяло сознание. Тридцать с лишним лет он ревностно служил системе, в которой, по его установлению, чуть не главным было «подхалимничать, разоблачать и уничтожать». Где все его герои, исключая, конечно же, только автора, «демонстрировали безнравственность и готовы были ради сохранения собственной шкуры (уточним: «шкуры» – может при Сталине: во времена Яковлева – уже ради дворцовых благ) разорвать на куски любого, на кого направлен указующий перст побеждающего вождя». А «недостойная молодежь, в отличие от стариков – догматиков, вроде Молотова и Кагановича, в могущество марксистско-ленинских идей верила только в те минуты, когда ее допускали на трибуну, а в жизни боготворила только власть и личное благополучие».

Нормальный человек не только работать в подобном «омуте» (название-то какое придумал!) – представить пребывание себя рядом с ним не способен. Наш же автор, как истый марксист, служил системе ревностно, холопски униженно, но с усердием.

И вдруг...

Разносная озлобленная критика. Говорит, что прозрел, но когда? А тогда, когда возникли другие условия, появились эгоистические соображения, его устраивающие и отвечающие личностным интересам. Миллионы простых людей, никаких не политиков, а обычных представителей «серой» интеллигенции, вне марксистско-ленинской ортодоксии, все видели и давно определились с действующей системой, ее минусами и плюсами, а этот умный мужик (этого у него не отнимешь) впервые стал задавать себе вопросы на данную тему лишь в середине 80-ых годов – и все в одном ключе. На самом деле так, или врет (поскольку теперь пишет, что и раньше уже вместе с остальной «номенклатурой жил двойной, а вернее тройной жизнью») – не имеет значения. Книжка его по своей направленности ничем не отличается от Горбачева оправдательных писаний. Не отличается и от таковых, например, Волкогонова или того же Бурлацкого, учившихся и подвизавшихся (касается двух последних), как и Яковлев, всю свою активную жизнь на заказном сочинительстве для вождей. Однако Яковлев по хитрости на голову выше своих коллег. С учетом этого замечания – книжка ничего, – расширяет кругозор. Интересны отдельные ее частности.

Как постепенно, при правильной оценке творческого труда интеллигенции в сталинские времена, этот труд был в дальнейшем низведен по оплате до уровня труда слесаря. Как бездарно страна тратила валюту на покупку зерна. Как коррумпирована была власть. Как автор часто отдыхал и принимался вождями в разных, недоступных для простого люда, санаториях, дачах и прочих местах. Правда, о последнем и другом подобном приобщении к царским благам писали и остальные, но писали всегда с некоей отстраненностью, а если с критикой, то, упаси Бог, только не себя. Есть и другие достойные внимания факты. Но ведь не из-за них сочинял он свою книжку.

Недостаток книги, в деловом ее плане, – один. Все в ней представлено помимо действительных исторических причин. Хотя бы, к слову. О поражающей автора «жестокости» революции никакой не политик – Гончаров – за 150 лет до него писал, что рядом с неразумным богатством, тщеславием, роскошью и прочими излишествами власти и ей служащих «всегда таится нищета, которая сторожит минуту. Когда мишурная богиня зашатается на пьедестале, она быстро, в циничных лохмотьях, сталкивает царицу и садится на престол». И далее, к сожалению, с той же философией «от живота», начинала то же самое, что и ее предшественники. А что стоят несколько строчек Виктора Гюго. «Восстание возникает из постепенно накопившегося электричества, из внезапно вспыхнувшего пламени, из бродящей силы... наперекор деспотизму, наперекор законам благополучия счастливых и наглости нескольких богатеев». Бесподобное по своей простоте объяснение истинных причин террора, кровавых народных бунтов и «жестоких» революций! Вот откуда проистекает зверство и все другое аналогичное

зло жизни! Не потому ли, почти одновременно с Гончаровым и Гюго наблюдательный француз Астольф де Кюстин, насмотревшись на помещичью дикость, предрекал России «страшную революцию», не в пример многим теперешним, в том числе и Яковлеву, проповедникам, что считали ее чуть ли не контрреволюционной случайностью и плодом больной головы Ленина.

Через 50 лет, в начале прошлого века, писал о том же накопительстве богатых и ненависти к ним бедных – Толстой. А потом разносил роскошь и упоминал о причинах увлеченности марксизмом величайший борец за здравый смысл Витте. Это он отметил, что «когда народ делается в части своей, сознательным, невозможно вести политику несправедливого поощрения меньшинства за счет большинства», и что «политики и правители, этого не понимающие, готовят революцию, которая взорвется при первом случае». Да, наконец, разве о том же самом не говорили другие здравомыслящие люди? Не во времена ли Французской революции Грахх Бабеф призывал погрязшее в роскоши и праздности «пресыщенное меньшинство» к разумному компромиссу с «изголодавшейся массой»? А разве сегодня такое же меньшинство, ограбив в мгновение ока собственный народ, не погрязло в мишуре и не приступило тем самым «срочно» к подготовке почвы для возмущения и ненависти. Той, о которой времен революции 17-го года, уже совсем наш современник писатель Б. Васильев говорил словами царского генерала Олексина что «цивилизованность привилегированного сословия зиждется на угнетении всех прочих сословий», что нам «пришла пора возвращать награбленное».

Контрреволюционная случайность, плод больной головы Ленина! Надо придумать такую ахиною.

У Яковлева, несмотря на часто вполне воспринимаемые рассуждения «теоретического» порядка, – несуразная зашоренность во взглядах на реальную жизнь. И потому: с одной стороны, – как у всех ему подобных устремленность выдать желаемое за действительность, а с другой, – исключительно предвзятая оценка событий и «творцов» истории. А ведь в, ней известно, нет ничего мазаного одним цветом.

Короче, книга Яковлева – есть полная, в принципиальном плане, антитеза тому, что о временах перестройки приведено у меня.

Он настолько ограничен в представлениях, что не осознает, как его тенденциозно-теоретизированные характеристики быют, прежде всего, по нему самому. Вроде, например, его утверждения, что будто «большевистское государство с самого начала строилось на удушении работающих и возвышении бездельников». Декларативное в целом, оно прямо относится к Яковлеву – действительно превосходному бездельнику, созидавшему всю жизнь, по его же признанию, только сплошные глупости. Причем в полной мере, и дважды: как в годы прежние «тоталитарные», так и теперь им обратные – «демократические». А что стоит его фраза о «шкодливой смелости тех, кто смотрит на драку со стороны, из-за угла и готов прислониться к победившему, и в очередной раз облизать его»? Не про себя ли у него тут опять?

По интернету прочитал статью о Сталине – первый серьезный отголосок на публикации о нем. Удивительное совпадение с моей, в отличие от многих других, давно выработанной и остающейся неизменной его оценкой.

Автор статьи «Вперед, к Сталину» А. Лежнев признает (с отдельными моими сокращениями), что «Ознаменованный Сталиным исторический период завершился, и настала пора подвести итоги, обусловленные не сиюминутными нуждами борьбы за власть, а необходимостью уложить его в оболочку «корректных дефиниций». Именно фигуры Сталина (а не Ленина), поскольку он фактически стал создателем работающих советских структур, обусловивших на многие десятилетия вперед жизнь России. Попытки развенчивать его, по любому из трафаретов, «хрущевскому или ультралиберальному», – лишь способствуют осознанию грандиозных масштабов его фигуры и дел, хотя бы и при мрачном ореоле.

Сталин отождествил личный интерес, как политика, с нуждами государственности, а потом переориентировал на это служение и партию. Он унаследовал от Ленина, пусть и гибкого

политика, но одновременно и жестокого фанатика, Россию во мгле. Объявил войну без ума болтающей «ленинской гвардии, и взял курс на созидание государства, его «реконструкцию, а не на разрушение и строительство замков на песке». Он был в рядах тех, кто делал революцию, но, по сути, революционером не являлся. В сталинской догматике наблюдался явный прагматизм, ничего общего не имеющий с романтической революционностью и религиозной преданностью марксизму.

Остается фактом, что без мощного его нажима в середине 30-х годов у нас, даже и формально, не были бы провозглашены общедемократические ценности. Не введено всеобщее избирательное право. Разумеется, Сталин видел тут интерес в том, чтобы контролировать, успевшую укорениться партбюрократию среднего звена, которая ему противодействовала.

Она не способна была измениться, и была уничтожена за ненадобностью, ввиду вредности для государства ее разрушительных поползновений. Это того сталинского зла, которое я назвал своеобразным Соломоновым судом – судом истории».

Теперь, по мере ухода из жизни «обиженных» в сталинскую эпоху, следует ожидать, давно предсказанного мною, все нарастающего процесса более объективной оценки той эпохи. Статья Лежнева тому неплохое подтверждение.

Интересное совпадение позиций у меня и философа И. Ефимова. У него человек действует из-за необузданного стремления расширить и укрепить «царство я могу». Жажды обладать, владеть, царствовать и т. д. – как функции личной природной устремленности человека. У меня по конечной результативности то же самое, но, считаю, более точно, – как функции социальной, связанной с устремленностью человека к власти и влиянию во всем многообразном их проявлении. Не простая природная страсть к проявлению человеком своего Я, а именно соревновательная, порой самим субъектом неосознанная, борьба за свое место в жизни, борьба за то, чтобы быть первым, быть выше окружения, подчинять его себе любыми способами. Не просто проявление своего Я, а таковое как продукта, порожденного, в моем понимании, всей совокупностью социального механизма, определяющего движение человека по жизни. Не полная свобода, а свобода, ограниченная, диктуемая рамками социальной системы, в которой проявлять активно себя могут далеко не все, а вернее, явное меньшинство.

Сегодня в «Литературке» статья А. Кивы подтверждает то, к чему многие пришли в начале перестроечных лет.

Только сейчас, на 15-ом году российского раздора известный политолог и журналист удосужился признать.

Что «демократическая революция, приняла явно антикоммунистическую направленность, вылилась в тотальный передел собственности в пользу небольшой кучки лиц и оказалась революцией обманутых надежд».

Что «прорабы перестройки», российские демократы первой волны не просто проиграли, но оказались на обочине общественной жизни и маргинализировались, а многие просто исчезли из поля зрения».

Что только «либеральные дурачки да отпетые негодяи могут утверждать, что рынок сам все расставит по местам».

Что «неумную алчность новой буржуазии можно ограничить только силой законного принуждения и только с помощью государства».

Что, наконец, могут серьезно ошибиться «те, кто сделал вывод, что Россия, обескровленная революциями и войнами, измордованная грабительскими реформами младореформаторов, не раз ими обманутая, разуверившаяся во всем и вся, дезорганизованная и деморализованная ни на какие революционные действия больше не способна». Нет... «Чем дольше длится терпение народа, тем больше в нем накапливается гнева и ненависти к тем, кто его довел до такого состояния, тем с большей силой и яростью рано или поздно произойдет социальный взрыв».

Со всем согласен. (Более того, думаю, а не у меня ли он все это заимствовал, из того, что я многократно в полемике забрасывал на различные интернетовские сайты, в том числе и «Литгазеты»). Все из области давно осознанного. Однако у Кивы (и, к слову, на него похожего другого признанного политолога и экономиста Ципко) это, как бы на уровне следствий, а не истинных причин происшедшего с нами.

А потому и такие детсадовские перлы.

Будто все пошло не так потому, что не поставили... у руля перестройки Григория Явлинского, что «именно он с командой был наиболее подготовлен к проведению рыночных реформ. Во всяком случае, он и его команда... «вряд ли допустили бы подмену понятия «реформа» простым переделом собственности при резком падении производства, нарастании нищеты и вывоза капитала». И вообще дело в том, что «Ельцин почему-то выбрал Гайдара, и все те, от кого непосредственно зависел раздел гигантской государственной собственности, исчисляемой триллионами долларов были близки Чубайсу»!

А в конце, в чисто интеллигентском звучании, и совсем не в унисон приведенному, что «пока остаются высокими цены на экспортируемые нами энергоносители, остается президентом страны Путин и остается у него беспрецедентно высокий рейтинг, новая революция... наверняка нам не грозит»!

Вот что можно сочинить в отрыве от исходных причин нас интересующего. Вот до чего может договориться совсем не глупый, но оторванный от живого дела, человек – гуманитарий, воспитанный и обученный школой страны Советов.

Сегодня начали трепаться об Александре, как великом реформаторе – освободителе крестьян. А кто подготовил отмену крепостного права? Не подготовил ли ее Николай, когда стал «по-отечески» наказывать таких возмутителей спокойствия, как Пушкин, ссылкой в его родовое имение? Не в их ли эпоху она готовилась? Повторю, Революции (как плохие, так и хорошие) готовятся не марксами и ленинами, а предшествующей эпохой. Наша 17 года – прямой результат народного бунта, результат элементарной ненависти бедных к богатым, о чем так образно и наглядно поведал нам Гончаров и другие, упомянутые в моей книжке.

Доказательство убогости государственной собственности (в стратегическом плане) в том, что после революции первое поколение, воспитанное в недрах противной, но деловой системы, способно было, несмотря на известный негатив советской власти, успешно строить и созидать, а теперешнее первое, воспитанное в предшествующем ему режиме, – только грабить и разрушать. Сообщество по большому счету «производительно и устремленно» готовило чуть ли не одних только активных подлецов. Почему?

Представим себе собаку с одной сиськой и семью щенятами. Кого мы вырастим при таком явно ограниченном и противоестественном праве щенят на борьбу за свое существование? – Одного, максимум двух бандитов. Так вот система с государственной собственностью, а значит, с одним хозяином, это та самая собака с одной сиськой. Вот откуда тот многочисленный негатив. Социалистическое общество лишает его членов возможности здоровой, продиктованной природой живого, естественной борьбы.

В качестве реакции на серию статей, напечатанных в Комсомолке под названием «Жупел Сталина» направил туда статью «Еще раз о Сталине».

«Сегодня не только товарищи, но и господа, которые так рьяно боролись за демократию и рынок во время горбачевской перестройки и писали о советском государстве, как исчадии ада, а о главном строителе Сталине не иначе, как о палаче, вдруг начали осознавать, что там при «деспотии» было кое-что привлекательное и, во всяком случае, вполне пригодное для сравнения с нынешней действительностью.

Публикация А. Сабовым материалов о Сталине на основании его разговоров с историком Ю. Жуковым есть попытка придания объективной оценки этому имени. К сожалению, составлена она в столь сенсационном духе и на основе столь великих авторских домыслов, что

в глазах серьезных людей не воспринимается, и впечатления от нее, думаю, будут у них весьма далеки от авторских ожиданий.

Начнем с демонстрации читателю образца избирательного бюллетеня и самой Конституции, как уникальной сталинской придумки по устранению от власти ему неугодных через альтернативные выборы. Надо догадаться выдать пропагандистский сталинский прием со всеми этими конституциями и «демократизированными» бюллетенями за «могущественнейший» политический прием! И это про 1937 год, когда Сталин еще 10 лет назад смешал с грязью своих противников и успел создать подчиненный лично, безусловно исполняющий все его замыслы, аппарат власти.

Или, авторская версия о том, что к «новому курсу» Сталина подтолкнул будто приход к власти Гитлера в 1933 году. Это про времена, когда фактически вопрос о программе индустриализации страны во всех ее аспектах обсуждался на XV съезде партии в 27 году, а, значит, замыслился и готовился еще раньше.

А «шахтинское дело», выдаваемое за плоды творчества Бухарина, задача которого, на протяжении всей жизни, заключалась в том, чтобы присутствовать в истории в качестве партийного ортодокса. Без Сталина тогда вообще ничего не делалось, а тем более там, где это хотя бы сколько-то было связано с борьбой за власть.

В том же духе представлены другие факты, вроде «открытия» причин убийства Кирова на почве ревности, записки Эйхе с проявленной «инициативой» и просьбой в политбюро «разрешить» начать ему массовый террор, тут же «вдруг» поддержанной многими другими секретарями обкомов, и т. д.

Из всего написанного в этих статьях, может быть воспринято с удовлетворенностью лишь одна верная и точная негативная характеристика послесталинских правителей, особенно, первого – Хрущева.

В остальном авторы строят свои рассуждения весьма односторонне на уровне следствий происшедшего, без анализа их первопричин.

Да, Сталин был палач. Но в какой исторической обстановке и при каком окружении? – Политических болтунов, приспособленных, кажется, лишь к бойне и разрушению, митингам, собраниям и грязной борьбе за влияние и личную власть, заведомо естественную после смерти их главного лидера. К революции по большому счету пришли бандиты. Они жили по законам шайки. Ничего святого, ни честности, ни чести: и Троцкий, и Зиновьев, и Бухарин, и все остальные, за исключением «щепок», которые, по всем правилам, должны были лететь при рубке леса. Вот ему и пришлось, придумав метод нагло-цитатной полемики со своими ортодоксальными противниками, доказать кто из шайки, хитрее, умнее и сильнее.

В реальной жизни нет ничего однозначного, и зло здесь сочетается со своеобразным соломоновым судом над первыми лицами, формально не подсудными, когда за все свершенные ими дичайшие преступления их наказывали сами события, сама история. То, что при этом гибли невинные, – печально. Но тут дело не только в одном Сталине, а и в многочисленных его «помощниках».

По первому каналу ТВ выступил с пространной лекцией Э. Радзинский. На протяжении часа он, демонстрируя экспромтные способности, рассказывал миллионам зрителей о не изменяемых с сократовских времен законах мироустройства и движения человека по жизни, об одном и том же фактически спектакле, разыгрываемом человечеством на протяжении всей истории.

Масса образных, в чисто радзинском артистичном исполнении, исторических катаклизмов, войн, революций, казней, сноса памятников императорам и царям... и все на уровне следствий, без какой-либо видимой попытки осознания причин его возмущающих событий. Революция, как он считает, по чуть ли не «единственно верному определению», есть «колесо, при повороте которого на пол-оборота сидящие вверху сбрасываются вниз, а стоящие внизу

поднимаются наверх». Вот так, – захотелось ему колесу, оно беспричинно и повернулось и поменяло их, на нем размещенных, местами. Террор, – «плод ненормальной психики человека, способного ради цели на бесчеловечные средства, на любые жертвы». И опять вроде никаких на то причин. Не от безысходности, не от невозможности противостоять издевательствам, а от одного большого воображения. Отрубание голов, снос памятников, – ну, это уж просто для украшения, музыкального сопровождения выступления. Ведь завлекательно для толпы, – как отрубали головы сначала одним, а потом другим, что недавно отрубали их у своих предшественников. Точно так и про снос памятников.

Слушал и думал, как он будет кончать свое бравурное выступление с пестрым набором событий и фактов, какие советы он даст слушателям для исключения в будущем подобного их повторения? Оказывается... – совсем простые, и прямо в духе церковных проповедей и призывов к духовности, справедливости и всепрощению. Давайте в рамках демократии старайтесь, бедные и глупые народы. А мы, богатые и хитрые, будем вас эксплуатировать: без возмущений, бунтов и революций. Проповедников, хорошо при царях устраивающихся, заставим петь нам аллилуйю, а вас, глупцов, обучать благородству и терпимости. Получалось ведь, и получается пока так.

Месть – движитель истории в том плане, о котором шла речь выше. Однако готовили эту устремленность к мести, и вчера, и сегодня – всегда загодя и отнюдь не мстящие, а дорвавшись до власти. Готовили и готовят, как я уже объяснял, беспробудной жадностью и страстью к неразумной роскоши. И вот потому, в заключение, вопрос всем, что вчера взывали к равенству, а сегодня пропагандируют прямо обратное. А что, если завтра представилась бы народу возможность проявить свой гнев за разор страны, за бандитское, обогащение меньшинства и низведение до униженного нищенского существования большинства, не нашлось бы среди упомянутого меньшинства «достойных» справедливой казни, равно такой, какая не раз уже творилась судом истории и о чем нам пытался рассказать Э. Радзинский?

Состоялся юбилейный вечер, посвященный 25-летию со дня пуска балочного стана. Вечер организовал цех. Произнесено было много добрых слов. В одной из речей теперешний начальник цеха Виктор Николаевич Колягин, характеризуя стан, неожиданно отметил особую «простоту, прочность и надежность» его оборудования. Эти слова определяли мое конструкторское кредо, мои принципы и подходы к конструкции оборудования. Я их придерживался и активно пропагандировал чуть не с первых лет работы, и давным-давно придумал для них аббревиатуру – «Квадропрон»: два «про» – простота и прочность, «н» – надежность. Не удивительно ли, в краткой оценке сделанного услышать из уст человека, лишь косвенно связанного с твоей сферой конструкторской деятельности, из слова в слово то главное, чем ты руководствовался при этом сделанного создании! Затем Колягин вручил мне солидный сувенир в виде каменно-бронзовой композиции с вмонтированными в нее часами, который я принял с полным удовольствием и осознанием его соответствия моим «заслугам». Такими же богатыми подарками были отмечены и два бывших начальника цеха Губерт и Киричков.

Балочный стан! Сколько же с ним связано? События, люди, бесконечные споры и уговаривания чуть не каждого сделать так, как тебе надо, как тебе представляется. Не потому, что ты в чем-то умнее и мудрее твоих начальников и помощников, а потому, что видишь все в комплексе объекта, а не отдельных его частей. Отсюда одна из задач в сооружении вообще чего-либо путного и, тем более, того, чем по его завершении можно было бы гордиться, авторитетно и доказательно его защищать, не икать при этом и не оправдываться, состоит в том, чтобы максимально бескомпромиссно проташить свой генеральный план, свое видение проекта в целом и при этом не обидеть людей, дать им возможность удовлетворить собственные творческие потенции, более, всячески способствовать их проявлению.

Ко времени работы над проектом я уже накопил кое-какой опыт, заработал определенный вес и авторитет во внешнем мире и на заводе, а главное, приобрел (подготовил) и там и здесь

много единомышленников, и оттого даже, по прошествии более четверти века, мне кажется, в рамках реально возможного, нам удалось сделать почти все, что было задумано.

История создания стана началась в момент моего первого появления на заводе, когда вышло постановление Совмина СССР от 30.12.49 года, позднее уточненного распоряжением того же Совмина от 19.09.51 года за № 19815-р, подписанным лично Сталиным. Последним Уралмаш обязывался «закончить составление технического проекта... и выдать министерствам – поставщикам задания на проектирование и изготовление комплектующего оборудования в IV кв. 1951 г.». В отличие от аналогичных документов, которыми оговаривалось все и вся, что, по изменению ситуации, неизбежно мешало использовать документ по прямому назначению, оно было чрезвычайно кратким и открывало заводу «зеленую улицу» для привлечения к работе любого нужного соисполнителя.

Тут я отвлекусь и расскажу, как через десяток лет мне пришлось воевать с нашими заводскими «законодателями». Работа над крупными комплексами сопряжена с большим числом отклонений от ранее намеченных программ и неизбежных корректировок, в том числе, связанных со срочным изготовлением чего-нибудь нового.

Когда я вылез на уровень самостоятельной работы, мне пришлось заняться подготовкой подобных распоряжений по срочному изготовлению этого «нового». Обратился к предыдущему опыту. Взял в качестве образца несколько ранее подготовленных распоряжений, и обнаружил в них такие пошаговые подробности, с указанием служб, цехов, фамилий их начальников, дней и чуть не часов исполнения отдельных операций, которые абсолютно не были увязаны, естественно, ни с уже имеющимися заводскими планами, ни с загрузкой служб, ни с документами других конструкторских подразделений. Они не соответствовали ни здравому смыслу, ни моему пониманию процедуры организации данного процесса.

Вспомнив сталинское распоряжение, его краткость и корректность, взял и написал первый проект распоряжения, в котором первым пунктом признавалась необходимость в этом узле, а вторым – плановая и производственная служба обязывались обеспечить изготовление его к такой-то дате. И все. Напечатал и понес его на согласование начальнику производства С. Т. Лифшицу, отличному руководителю и мужику... и был им завернут: как это какой-то пацан придумал внести изменения в давно установившийся «порядок». Не подействовали никакие аргументы. ни ссылки на Сталина. Потребовалось чуть не десять лет, прежде чем удалось доказать Соломону Тимофеевичу, а может и кому его сменившему, мою правоту и получить согласие на подготовку приказов и распоряжений по «сталинскому» образцу.

Но почему, задаю себе вопрос, при Сталине была избрана такая краткая и деловая форма организующих документов, которой фактически затверждалась свобода в действиях ответственных исполнителей согласно требованиям оперативной ситуации? Что это, дело ума Сталина? Нет, полагаю, то было, прежде всего, делом рук тогдашних руководителей. Но и Сталин, судя по многочисленным фактам, будучи великим прагматиком, отлично понимал, что к чему и от кого зависит. Что живое дело определяется не чиновниками, а главными исполнителями. Не потому ли он и вся руководящая «гвардия» тогда работала и общалась с главными конструкторами, директорами заводов и институтов, учеными, инженерами. И сам Сталин, как недавно вспоминал академик Б. Литвинов, «знал всех конструкторов и считал это своей прямой обязанностью».

Один из той гвардии – С. Афанасьев, занимавшийся в годы войны изготовлением боеприпасов, – в 80-е был назначен нашим министром тяжелого машиностроения. Мы как раз пускали в эксплуатацию установку ножниц для обрезки боковых кромок листов на Донецком метзаводе. С ним до сего времени были мало связаны, не знали их людей, они наших, и думаю, больше поэтому, там произошли какие-то осложнения. Их начальство перепугалось и вместо обращения к нам забросило сразу серию телеграмм на самый высокий уровень. Через два-

три дня, когда мы успели уже командировать туда нашего конструктора, раздался телефонный звонок.

– Владимир Александрович? – Да. – С вами будет говорить Министр.

– Владимир Александрович, здравствуйте! – Здравствуйте, Сергей Александрович, слушаю Вас, – отвечаю ему, и одновременно задаю себе вопрос: «С чем это он, и почему ко мне, а не к кому-нибудь из заводского верховного руководства?».

– Вы не расскажете мне, что у вас за осложнения случились на Донецком заводе с ножницами?

– Представляю, что ничего серьезного не должно быть, – говорю я, продолжая одновременно размышлять про себя: «Понятно, старая сталинских лет школа – начинать с конструкторов и получать информацию из первых рук, достоверную, без посреднических искажений и домысливаний. Надо постараться ему своим ответом доказательно подтвердить правильность его министра действий».

– Это, проверенная конструкция ножниц, которые работают на многих заводах, в том числе по соседству с Донецком на толстолистовом стане Алчевского меткомбината. Проект ножниц без изменений, за исключением привязки к конкретному месту их установки, сортамент листов стандартный, соответствует проектной характеристике. Ножницы прошли контрольную сборку на заводе, не было замечаний и при монтаже. Полагаю, если есть вопросы, то они чисто эксплуатационного и технологического порядка, а более, многих людей обычной устремленности, вместо оперативного делового рассмотрения проблемы на исполнительском уровне, обращаться к жалобе, и в как можно более высокие правительственные инстанции. В Донецке со вчерашнего дня наш конструктор, автор проекта Юрий Иванович Смирнов. Рассчитываю, что все образуется и вопрос будет снят.

Чувствую по кратким его поддакиваниям полную его удовлетворенность. В конце разговора благодарит за информацию, выражает надежду на благополучное окончание инцидента и просит при необходимости звонить.

Этого мало. Не выдержал, через пару дней Афанасьев приехал туда, и облазил все ножницы. Так что докладывать ему мне не было причины. Все вопросы были сняты как раз к его приезду, может в какой-то степени и в связи с ним: не очень ведь удобно заострять внимание высокого гостя на нелепой «мелочевке». Такова была старая гвардия руководителей. Не знаю, для полноты картины, специально он оказался в Донецке или случайно вспомнил, и заехал туда по пути? Но хорошо помню, что тот звонок был системным: на таком же уровне и примерно по аналогичным обстоятельствам в первый год работы Афанасьев обзвонил чуть не всех наших специалистов.

Приехав первый раз к нам на завод, прежде всего пошел в туалет, и естественно, раскритиковал его. Что-то после его отъезда с туалетом сделали, облицевали плиткой, сменили унитазы, но все это при вквивь и вкось проложенных наружных трубах и кранах, которые не только тронуть руками, а видеть противно. Не умели тогда этим делом заниматься. Нынче вот зашел сам в туалет, даже не директорский, а общий ниитяжмашевский, – как в раю, почище, чем раньше в ЦК или Совмине.

Через год, два встретился с Афанасьевым еще пару раз лично. И тогда он тоже произвел на меня впечатление своим поведением. Приглашены мы были к нему вместе с Гриншпуном в связи с предстоящим совещанием группы конструкторов с Рыжковым. Помню, чтобы расположить нас к себе и сделать беседу более душевной и откровенной, он после общих вопросов перешел на чисто житейский, чуть не приятельский, разговор об обстановке в стране, о своей при таком раскладе судьбе и даже признался, что перед ним, старым человеком, сейчас задача главная – достойно выйти на пенсию... и сохранить за собой казенную дачу. Мы, на такую открытость Министра, ответили тем же и выложили наши сокровенные мысли и чаяния.

По результатам названного совещания, через месяц, вышло соответствующее постановление Совмина СССР. Чуть не на следующий день афанасьевской командой оно было переписано из слова в слово, и доведено в виде приказа Министра. А сам он при второй с ним встрече (после посещения Рыжкова) запомнился одной архаичной репликой: «Вот вы собираетесь отменить согласование. К примеру, не согласовывать применение подшипников. Это хорошо – они не наши. А как быть с редукторами, изготавливаемыми нами? Закажут без согласования в два раза больше. Что будем делать?». Этому он понять и такой «свободы» осилить не мог.

Не примечательно ли? Нестандартность мышления и человечность, и деловитость. И вместе с тем что-то трафаретное из общепринятого, устоявшегося, казенного. Афанасьев был продуктом тоталитарной системы, в совершенстве освоившим все ее плюсы и минусы, все нормы «благополучного» для себя в ней пребывания.

Возвращаясь к балочному стану. После смерти Сталина, не знаю подробностей, но предполагаю, что имелись сторонники другого направления, было признано ориентировать Ново-Липецкий завод на листовое производство, и балочный стан повис в воздухе. Несколько позднее решили организовать производство балок на существующем стане завода «Азовсталь», но и эта попытка закончилась лишь разработкой нескольких аванпроектов его реконструкции. Стране тогда нужен был листовой прокат, и на заводе «Азовсталь» также стали строить мощный комплекс для производства листа. К новому стану вернулись вновь только в конце 60-ых годов.

Как водится, началось все со споров: где и как изготавливать широкополочные балки, в Центре или на Урале, делать их сварными или цельнокатанными. Сторонником сварных выступил Внииметмаш, цельнокатанных – Уралмаш. Варить, или катать? Внииметмаш уговаривал всех, что сварные балки будут много дешевле. Мы соглашались с ним, но при этом выдвигали тот довод, что для реализации более «дешевого способа» потребуются построить дополнительно к их сварочному переделу мощный листовой стан. Стоимость его равна, если не больше, стоимости собственно балочного стана, при этом возрастут промежуточные отходы металла в обрезь при подготовке листовых элементов балок, потребуются дополнительные затраты на их транспортировку, складирование и хранение. Наконец, вообще никогда еще, изготовление чего-либо в два приема получалось более дешевым, чем в один, тем более, что в сварном варианте речь шла фактически о двух самостоятельных металлургических переделах, а никаких-то там приемов в одном производстве. О качестве катанных и сварных балок даже не упоминали. Настолько считали убедительным все остальное. Наша точка зрения победила, и принят вариант строительства балочного стана. Но, какого?

Пошли менее напряженные, но все же споры и по этому вопросу, пока не удалось доказать, что первый стан, нужно строить большой, на всю возможную номенклатуру балок. Всякие расчетные прогнозы не позволят определить истинную потребность в балках, что таковая во всей ее конкретности может быть реально установлена только при их натуральном производстве в полном номенклатурном объеме. А потому строить его, по соображения минимизации транспортных затрат, предлагалось на Нижнетагильском меткомбинате, т. е. в центре страны. По этим двум вопросам решение состоялось также в нашу пользу.

Все упомянутые споры и отстаивания наших позиций мы практически вели совместно с Уралгипромезом, которому была поручена разработка проектного задания по всему комплексу. Главным технологом стана была назначена К. Дроздецкая. С ней и через нее практически и решались все вопросы с Гипромезом, Заказчиком и Минчерметом.

С Дроздецкой я познакомился в начале 60-х годов. Она и тогда значилась Главным технологом, но фактически им не была и на такую роль не претендовала. Была отличным проектантом, главное, очень четко придерживалась основного принципа в организации работ и разделе «сфер влияния» между конструкторами и проектантами. Никогда не лезла в состав

и конструкцию оборудования комплекса, безупречно защищала и отстаивала наши решения перед гипромезовскими начальниками, перед заказчиком и прочими внешними и центральными организациями. Способствовало тому то, что мы оказались с ней «единоверцами» не только по работе, а и по жизни, за все годы работы ни разу не «поймали» друг друга на какой-либо даже мельчайшей фальши, скрытом ведомственном или эгоистическом умысле. Всегда исходили только из чисто деловых интересов и получения нужного конечного результата.

Природа одарила ее приличными способностями и колоссальной интуицией на новые и полезные дела. К тому же, она обладала мощным пробивным потенциалом, и не меньшим упорством, в отстаивании здравой позиции. Работа с ней доставляла удовольствие в равной степени, как рядовым работникам, так и высоким министерским, партийным и прочим начальникам. Она настолько много вращалась среди мужиков, что и мыслить стала чисто по-мужски, сохраняя при том свою, привлекательную для них и выгодную для дела, женственность. В различных спорных ситуациях успех часто определялся ее последним выступлением. Результативность их, я отлично знал и в преддверии спорных ситуаций заранее подговаривал выступить как можно ближе к финалу. Не поддержать Главного технолога, да еще женщину, начальство считало непристойным и в заключении, как правило, подтверждало нами предлагаемое.

А ведь кроме совместных вопросов у нее была масса собственных, гипромезовских, связанных с привлечением и работой многочисленных контрагентов: строителей, сетевиков, монтажников, разных согласовательных и контролерских организаций. И все эти вопросы, в силу совершеннейшей безотказности, с одной стороны, а, с другой, – полной уверенности, что они будут надлежаще решены, поручались ей. Звонишь, бывало, в Гипромез: – Клавдия Степановна есть? – Нет, она в Москве, пробивает новую сметную стоимость на строительство. Или занимается согласованием каких-то вопросов с санэпидемстанцией. Или только что уехала в решать вопрос, как строить «дом» для вашего стана... И ведь решала. Четыре – пять, если не больше, раз переутверждала в Москве стоимость строительства балочного стана – естественно, каждый раз в сторону ее увеличения. Представляю, сколько эти поездки по разным начальникам стоили ей трудов и нервов.

Однако была всегда весела, сердечна, никогда не жаловалась, была подъемна на любое авантюрное предложение. Сброситься и пойти после работы в ресторацию. Поехать ночью в командировку только для того, чтобы не терять время и утром в 8 часов быть на работе. Залезть на крышу цеха и посмотреть, как там с нее «слетел» целый пролет перекрытия. Сам с ней тогда лазил по наружной открытой лестнице, а потом, обсуждая, на наш взгляд, явную «сопливость» крепежных элементов металлоконструкций перекрытия крыши, думал про себя: «Вот, как слетим сейчас туда вниз вместе с еще одним пролетом: он ведь от падения первого не стал крепче». И удивлялся ее бабскому бесстрашию. Лезла по лестнице не ойкая, и стояла на краю провала, вроде, как тоже совсем без боязни. Или вот еще вспоминается случай.

В конце 60-ых годов, защитив техпроект балочного стана, собрались с Дроздецкой и Олегом Соколовским, который тогда был вместе со мной, и стали обсуждать, как нам отметить столь знаменательное для страны событие. Вспомнив, что Вараксин, недавно перебравшийся на работу в Москву, только что получил квартиру, я предложил поехать к нему в гости и устроить экспромтное новоселье. Разыскали Алексея быстро, он был еще на работе, уговорили еще быстрее, и вчетвером отправились к нему за Речной вокзал. Часов в 12 ночи, когда квартира была полностью обследована и найдено всем место для сна, Алексей придумал пойти перед сном прогуляться в парковую зону. Конец октября, темень – глаз выколи. Приходим на какой-то канал и, увидев воду, мы, три походника, просто не можем отказать себе в удовольствии искупаться. Испрашиваем на то разрешения у дамы, и в чем мать родила, благо ничего не видно, лезем в ледяную осеннюю воду. Клавдия Степановна от купания отказалась, осталась на берегу. Но не причитала, не отговаривала нас, вела себя вполне адекватно: вы хотите побеситься, – пожалуйста, у нас полная свобода. Изумительная была женщина!

Мы проработали вместе четверть века и провели три уникальных объекта: первое в мире рельсотермическое отделение и самые мощные первые в Союзе блюминг 1500 и данный балочный стан. Провели от первой линии на чертежах, до пуска и вывода цехов на проектные параметры.

Умерла Клавдия Степановна в январе 1997 года, оставив в наших сердцах глубокий след от своей незаурядной личности и самопожертвованного служения общему делу.

Так вот, благодаря Дроздецкой, продолжаю о стане, мы получили техническое задание на его проектирование без каких-либо по нему замечаний. Все нас интересующее и для работы необходимое было учтено и совместно проработано еще на стадии подготовки и утверждения проектного задания. Тем не менее, более или менее однозначно в техзадании были оговорены только чисто потребительские характеристики стана. Что касается состава оборудования, его параметров и планировки, то заданием они относились как бы к прерогативе разработчика технического проекта. И это позволило нам ринуться в своеобразную авантюру. Я говорю «нам», имея в виду кроме себя, официально назначенного Главным инженером проекта, своего неформального консультанта и признанного мною лидера в части разного «свинтопрулизма» – Соколовского и саму Дроздецкую, которая также весьма была подъемна на подобные предложения.

Для начала решили сделать стан с учетом всех известных современных направлений в области прокатного производства. И, отбросив в сторону его масштабность, задумали реализовать на нем принципы, апробированные к тому времени только в мелкосортном производстве: непрерывную прокатку полосы, термообработку, охлаждение и правку металла в полной полосе, разрезание последней на мерные длины, поточный инспекторский контроль проката и тому подобные другие менее значительные, но не менее сомнительные, мероприятия уже чисто технологического плана, вроде полностью механизированной выборочной зачистки заготовок на складе блюминга или их термофрезерования в основном потоке стана...

Правда, по мере углубленного ознакомления с существом проблем и более реалистичной оценкой возможных последствий в случае реализации намеченных нововведений, мы постепенно стали спускаться на грешную землю. Но к тому времени успели настолько развенчать везде о своих идеях и настолько увлекли кое-кого в их перспективности и целесообразности, что пришлось соображать, как из нами распропагандированного красиво и без лишних для себя синяков выбраться.

Решили, подумав, представить разработки на рассмотрение в Минчермет в виде предельных «теоретически» возможных вариантов. Коллегиально их обсудить с участием заинтересованных специалистов. А для принятия окончательного решения по составу оборудования и его характеристике просить начальство срочно организовать командировку на заводы Японии для ознакомления с их балочными станами. Наши предложения, как мы ожидали, сработали безупречно: у всех участников возникло столько «сомнений», что необходимость командировки и ее надлежащего, для успешности, уровня были признаны обязательными.

Согласие на командировку получили быстро, и полетели туда командой во главе с Главным инженером ГУМПа С. П. Антоновым, который в порядке придания упомянутого «уровня» нашей делегации при каждой встрече с японцами торжественно изрекал, что он представляет «Главное управление металлургических предприятий Министерства черной металлургии СССР, заводы которого производят 100 миллионов тонн стали в год». Не знаю, действовало ли это заявление на японцев, или что другое, но принимали они нас неплохо... но только в пределах «разрешенного» гостеприимства и показа нас интересующего, как говорят, со смотровых цеховых площадок. При каждом посещении нового завода я нахально пытался уклониться от музейного экспонирования и сбегал с площадки к оборудованию, но тут же, под каким-либо «благовидным» предлогом, вежливо возвращался хозяевами обратно. На после-

дующих, после осмотра, беседах японцы вообще уходили от любого более или менее «каверзного» вопроса, ссылаясь, столь же вежливо, на пресловутый «секрет фирмы».

Короче, ничего из задуманного нами революционно нового мы у них не увидели, однако привезли с собой массу весьма интересных и поучительных для дела вопросов. Корректно же поставленный вопрос – это уже наполовину решенная проблема. В этом, пожалуй, и состояла главная польза от такого рода ознакомительной командировки.

Вернувшись домой, уже вовсе в приземленном состоянии от увиденного у японцев, быстро накатали реальный аванпроект стана, оставив в нем на данной стадии для солидности, а больше от желания сохранить свое реноме, из ранее нами рекламируемого только охлаждение и правку полосы в полном ее раскате, да и то с прицелом на возможный отказ от такого мероприятия в дальнейшем из-за трудностей с реализацией процесса качественной холодной резки столь крупных балок. Так оно и случилось.

А вот в части менее «революционных» замыслов, которые можно было бы отнести, по нашим соображениям, к мероприятиям с высокой вероятностью гарантированно-надежного их практического осуществления, мы оказались на высоте.

Стан ощутимо видимо и в лучшую сторону отличался от подобных ему, работавших и строившихся в Японии. С элементами новизны в технологии прокатки, конструкции оборудования и его планировке были разработаны почти все участки стана.

Применена более устойчивая и более простая в инструментальном обеспечении технология прокатки заготовок в обжимной клети стана в так называемых «закрытых калибрах». Предусмотрено линейное (тандем) размещение рабочие клетей, что, в сочетании с придуманной Соколовским их малогабаритной кассетного типа конструкцией, позволило уменьшить количество оборудования на этом важнейшем участке стана, сократить значительно время и цикл прокатки балок. Внедрена цельноклетьевая перевалка валков с механизированной разборкой-сборкой клетей и их настройкой на специально для того оборудованных стендах вне основного потока стана. Организована многопильная резка балок на мерные длины с полностью механизированной программной установкой и настройкой (исключительно простых по конструкции, удобных и надежных в эксплуатации, придуманных также не без участия Соколовского) пил, а также их вспомогательного оборудования. Запроектировано очень экономичное по эксплуатационным и энергетическим затратам оборудование на участке охлаждения балок с организацией их по пакетному на нем перемещения при помощи подъемных транспортных тележек. Аналогичный способ перемещения балок применен на стеллажах инспекторского осмотра и пакетирования балок перед погрузкой в железнодорожные вагоны. Предусмотрена «свободная» планировка всего оборудования стана и его размещение из условий легкого к нему доступа, удобного обслуживания и ремонта.

Огромнейшее внимание уделено вопросам применения на стане новых, простых и надежных в работе узлов и отдельных элементов общего и массового назначения, которые для того были нами разработаны еще и на принципах их серийного производства, взаимозаменяемости и полного исключения ручных подгоночных операций при сборке и монтаже.

Все эти новшества, сформулированные в технических заданиях на разработку оборудования (а может, в какой-то степени, неосознанное ощущение предстоящего «заката», тогда еще настроенного на созидание, социалистического общества) во многом способствовали созданию в коллективе разработчиков обстановки творческой увлеченности. Не могу здесь перечислить всех участников, но помню каждого и глубоко признателен и благодарен им за нами сделанное, что и сегодня, спустя 25 лет, как я отметил, вызывает чувство гордости. Это был наш, советских времен, последний большой и очень удачный объект.

Салуцкий из той же плеяды философов, что и все остальные, подвизавшиеся на пропагандистском поле советской эпохи. Они настолько впитали правила и нормы времен тенденциозного сочинительства, что напрочь лишились способности к объективному анализу всего

происходящего. Впечатления от статей («Бегущие впереди прогресса» и «Эволюция или мутация», Литературная газета, 2002 г., №№ 44 и 50) полностью совпадают с тем, что я получил от недавнего прочтения Яковлева.

В первой, Салуцкий разбирает дискуссионную статью А. Ципко. Ее «высокую ноту», что «сводится главным образом к обличению ельцинской экономики», и возникших у него «серьезных сомнений относительно этой песни, ибо поспешные приговоры предшествующему историческому периоду имеют неприятные свойства отвлекать от насущных проблем». И далее, в том же критическом духе, но не для того чтобы разобраться в истинных причинах происшедшего в «ельцинской экономике» и предложить нечто конструктивное, а чтобы вне связи с приведенным, вдруг заявить: «Президент Путин относится к редкой категории политиков, хорошо чувствующих сроки созревания тех или иных проблем». Ничего себе – «хорошо чувствующих»! Это когда реформаторы осуществили первоначальное накопление капитала прямо за народный счет. Когда на эти цели шли и бюджетные деньги, и внешние займы, и средства от внешнеторгового оборота, и личные сбережения народа. Когда новые владельцы предприятий пришли фактически на все готовое и при этом не только их не сохранили, а стали нещадно еще и разорять. Это на фоне продолжающегося разграбления российского государства; разрастающегося кризиса в энергетике и жилищно-коммунальном хозяйстве; многочисленных техногенных катастроф и аварийных ситуаций; не убывающей инфляции; колоссальной дифференциации в доходах и одинаковых налогов для богатых и бедных.

Вторая статья с критикой Яковлева и Зиновьева. В ней рассказывается о выдвинутых Яковлевым тридцать лет назад просоветских лозунгов, что были взяты на вооружение бывшим диссидентом Зиновьевым, и как, наоборот, откровенной антисоветчиной ныне вдруг проникся архитектор перестройки бывший коммунист Яковлев. Критики оригинальной и тонко схваченной, но сделанной вне исходных причин происшедшего. «Загадочной» метаморфозы, «скачкообразной идеологической мутации», вызванных «пассионарностью» их природных натур. Мне «понравились» эти статьи тем, что они прямо, и с большой высоты, льют воду на мое мельничное колесо. И в части Ципко, Яковлева и Зиновьева, и в части самого Салуцкого. Элементарное бытие определяет их всех сознание, а никакие не «мутации, пассионарности и буревестнические» настроения.

Кладезь человеческой мудрости ограничен. Он неизменяем. Меняется фон материального мира. Всё, что касается духа человека, повторяется с поражающей стабильностью. Люди мыслящие априорно так же ошибаются, как ошибались ранее, а на основе опыта как делали, так и делают открытия и вершат полезные дела. Плохое и хорошее, правильное и ошибочное сопровождало и продолжает сопровождать жизнь людей с одинаковым постоянством.

Серия газетных и журнальных публикаций, радио и телевизионных передач по случаю пятидесятилетия со дня смерти Сталина. Масса точек зрения, подходов. Но все они, за редчайшим пока исключением, годятся лишь для поверхностного восприятия и весьма далеки от объективной и всесторонней оценки этой личности. Сегодня она, в подавляющем большинстве: у одних – чуть не от животной к ней ненависти, у других – от непомерного желания возвести ее в святые.

«Сталин сформировал на нашей почве новый сокрушительный тип homo sapiens, способного отречься от матери и отца, отказаться от права выбора, ненавидеть гениев и поклоняться посредственности, шагать только строем, рукоплескать пыткам и казням... И этот новый человек, спустя десятки лет уже без Сталина, продолжает жить по тем же законам, пытаясь реанимировать смердящий, но обожаемый труп, молитвенно вспоминает деспота, и главное, все еще любит свой рабский страх, находит в нем оргиастическое блаженство».

Так – вне логики, вне уважения к «человеку», вне элементарно вытекающего из данного высказывания вопроса: «почему он, этот «человек» так думает и от какой такой «дурости» так считает и «молитвенно вспоминает деспота» – пишет о Сталине Л. Зорин.

А вот как, столь же алогично, вне случившегося и вне реальной нашей истории, но теперь сверх панегирически, вещает о нем А. Проханов.

«Сталин сражался за власть, шел к ней через тюрьмы, трагедии, великие труды. Владел «образом будущего», видел это великое будущее на сто лет вперед, провидел войны и революции, указывал место, которое надлежит занять СССР среди бушующего XX века. Планировал историю, сотворял очередной ее отрезок, вырывая силой и прозрением у Грядущего. Работал и жил ради трудового народа, строил новые города, открывал библиотеки, берег народную копейку, вкладывая ее в оборону, науку, здравоохранение. Создал политическую элиту из талантливых крестьян и рабочих, окружил себя патриотами Родины, раскрыл неограниченные способности народа. Создал в искусстве «Большой стиль», направляя художников, писателей, архитекторов, режиссеров и композиторов на образ величественной «красной иконы», которой молилось все человечество.

Сталин – это больше, чем человек и вождь. Это категория. Это способ существования России в XX веке. Это бессмертное начало, которое будет постоянно воплощаться на трагических переломах истории».

«Сейчас, – высокопарно вторит Проханову А. Фефелой, – когда страна накануне грозных мировых событий, новых внутренних взрывов и потрясений, напряженно вглядывается в прошедший век, она видит там не Витте, Столыпина, Бухарина или Троцкого... Не Ленина и Николая II. Она видит сына крестьянина Тифлисской губернии, ставшего единственным точным выразителем грандиозной в своих порывах и прорывах «русской идеи». Видит в магме истории только огненного Сталина.

Сталин близок всем в этой стране. Даже его хулителям, ненавистникам и противникам. Вся политическая, военная, финансовая и культурная элита нынешней России вышла из сталинской шинели. Системы производства, обороны, науки и образования – все было сконструировано, смоделировано, заложено при Сталине. Сталинские эмоции, методы мышления и стиль поведения пронизывают политическую и управленческую культуру.

Какое мощное сотрясение пространства набором красивых, но пустых по их сочетанию слов! Не смешно ли читать подобное?

В прошлую пятницу в Москве убили депутата Госдумы С. Юшенкова. Коллеги говорят, что он был хорошим честным мужиком. Возможно. Отнесем то к моим немногим «исключениям». Не в этом суть. Дело в самом факте убийства. В конечных результатах происходящего в стране. Десятки тысяч убийств, миллионы лишенных крова и родины, миллионы умерших раньше времени, десятки миллионов прозябающих в нищете – по самым разным причинам, порожденным прямо теперешним временем. Устрашающий развал жизнеобеспечивающих отраслей народного хозяйства. Непредставимая по масштабам зависимость страны (которая вчера еще умела делать, чуть ли не все свое собственное) от западного мира.

Так, где лучше? При тоталитарном прежнем режиме, или при нынешнем демократическом? Ведь человеку безразличны причины происходящего, бьют по нему следствия. Ему не важно, по какой причине его убивают или чего-либо лишают. Важен результат. Тотальной властью он порожден или демократическим хаосом – не имеет значения.

Любая проповедь абсолютной истины, любой религии (церковной, коммунистической, либеральной...), претендующей на статус правящего мировоззрения, требует наличия «специалистов» по его истолкованию. А величайшая устремленность последних к обоснованию правомерности действий правящей элиты, базируется на извечном принципе интеллектуальной прислуги: кто платит, тот и прав. В этом плане одиозной тенденциозности современный рыночный либерализм ничем не отличается от сталинской тоталитарной системы.

Перечитываю это и вспоминаю, что подобной же критики, придерживался известный художник Илья Глазунов. Он не только против демократии в обществе бандитского настроения на грабеж чуть ли не всей массы наиболее «инициативных и предприимчивых» людей. Больше.

Он, зло критиковавший сталинский режим, одновременно проповедовал монархическое правление. Вот до какого возмущения могла довести человека система современной демократии.

Письмо Путину.

«Уважаемый Владимир Владимирович! Полагаю, что в Вашей почте имеется много предложений с критикой Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» от 25 апреля 2002 г. №40-ФЗ. Я обращаюсь к Вам с тем же, но еще и с позиций полного, на мой взгляд, несоответствия данного «закона» Конституции Российской Федерации.

Начну с ее статьи 2 о том, что «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Разве упомянутый «закон», отвечает данной статье и нормам презумпции невиновности гражданина, в данном случае не только до суда, но, фактически, еще и до совершения им проступка? Разве он не направлен на явное ущемление прав и свобод человека? Разве государство не обязано защитить человека от неких притязаний по обязательному его имущественному страхованию?

Далее, согласно статье 17 (п. 3) «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Разве и тут не очевидно, что в данном случае «закон» также идет в разрез с Конституцией? Разве он не направлен против наших прав и свободы в интересах страховых компаний и других частных лиц, эгоистически устремленных на создание сей принудительно нам навязываемой системы страхования?

«Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» – гласит следующая статья 18. Надо понимать, она обязывает законодателя и власть исходить из правил и норм жизни, соответствующих здравому смыслу и не переводит мгновенно человека из одного привычного состояния в другое, им плохо воспринимаемое. Неужели можно усмотреть хоть какой-либо таковой «смысл» в «законе», кроме чьей-то, очевидной устремленности к грабительской акции? И разве этот «закон» не направлен прямо на «умаление достоинства личности», которое по статье 21 должно «охраняться государством»?

Усматриваю несоответствие «закона» также статьям 34 и 35, которыми «не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию» и оговаривается, что «никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда». «Закон» будет способствовать этому «принудительному» распоряжению имуществом граждан со стороны страховщиков. Кроме того, он станет невольно подталкивать автовладельца к дорожным «происшествиям», дабы «компенсировать» психологически неприятно действующую на него операцию «безкомпенсационного» и обязательного, а не по своим воле и желанию, вне своей меры ответственности и аккуратности и вне степени интенсивности эксплуатации автомобиля, кредитования страховщика. Не исключено, что, по тем же основаниям, он не будет провоцировать отдельных граждан уже прямо к преступным действиям по искусственному увеличению таких «происшествий», что, судя по печати, уже практикуются и сейчас в условиях пока еще ограниченного и свободного страхования.

Наконец, на защиту прав граждан ориентированы и статьи 39, 55 и 56, поощряющих «добровольное социальное страхование» и устанавливающих запрет на издание актов, «умаляющих права и свободы» и допускающих подобное только «в условиях чрезвычайного положения» при непременно, к тому же, «указании пределов и срока их действия».

Таким образом, рассматриваемый «закон» противоречит исключительно верным и точным, положениям Конституции. «Закон» антисоциален, направлен на дальнейшее имущественное расслоение общества, работает на богатых и против бедных, причем не только сверх всякой меры ограбленных государством пожилых людей, но и активной созидающей его части,

он приведет к организации в стране дополнительного аппарата чиновников. Интересно знать, сколько они, будь «закон» реализован, стоили бы нам – налогоплательщикам?

Обязательность любого вида страхования в сегодняшних условиях величайшей коррумпированности общества и, в бытовом плане, чрезвычайно низкой его общей культуры – есть нонсенс и с точки зрения здравого смысла. Она напоминает мне ельцинско-чубайсовскую приватизацию, но при последней мы имели дело с «ничейным» имуществом и его дележом, а тут с контрибуционным подбором – принудительным кредитованием страховщика. Заметим, кстати, немедленно, в части его принудительности, коррумпировано усиленного угрозами штрафов и разрешенной процедурой техосмотра только по свершении акта страхования. Как будет чувствовать себя в таких условиях нормальный законопослушный автовладелец? В условиях, когда один из них в течение 20 лет лишь раз в неделю совершает безаварийные поездки за три километра в свой сад, другой, еще оригинальнее, содержит машину, чтобы раз в месяц доставить свою больную жену в районную больницу, а третий – деловой коммерсант – наезживает ежегодно в экстремальном режиме добрую сотню тысяч километров. Кто из них в большей степени и за счет кого будет оплачивать эту инспирированную лобби очередную финансовую акцию?

Все в этом деле ясно, все очевидно, все шито белыми нитками. Государство опять играет не ту роль, которую оно призвано исполнять. Говорят нам, что принудительное страхование есть в других странах, например, в Америке. Но, как там к нему шли? Вспомним описание дорожных коллизий Ильфом и Петровым. Почему мы все время хотим скоропалительно «облагородить» нашу действительность, не имея на то ни каких оснований?

Ссылаясь на статью 33 Конституции и руководствуясь ее статьями 80 и 85 о Президенте – «гаранте прав и свобод человека и гражданина», прошу Вас принять меры по срочной отмене Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», как закона, направленного на создание дополнительной напряженности в нашем обществе, и как закона, полностью противоречащего духу и букве Конституции Российской Федерации».

Письмо мне нравится: в нем идет речь не только о страховании. В нем фактически критикуется все то негативное, что делается сегодняшней администрацией.

Прежде, чем его подготовить, я специально, дабы с большим знанием это сделать, запросил Соловейчика о состоянии дел с автострахованием у них в Америке, и вот что от него получил.

«В США обязательное страхование транспорта установлено федеральным законом. При любом дорожном происшествии, даже при нарушении только правил вождения, полицейский требует предъявить сначала страховые документы и лишь потом водительские права. Страхование бывает двухсторонняя (когда страховая компания виновника оплачивает ущерб полученный обеими машинами) и односторонняя, менее дорогая, (оплачивается ущерб только пострадавшему). Страховой бизнес самый выгодный бизнес в США. Выгоден он, понятно, и государству. Практически малые затраты и огромные капиталы, налоги. На этой ниве процветают многочисленные жулики, умело подставляющие под удар свои машины, кормится армия резных офисов, где «пострадавших» в авариях якобы лечат, а потом предъявляют расходы на лечение страховым компаниям. Кормится и армия юристов, специализирующихся на рассмотрении подобных дел в судах. Все это происходит несмотря на то, что Конституция США провозглашает полную свободу гражданина и возможность требовать смены правительства, принимающего законы негодные гражданам.

Когда был принят закон об обязательном страховании автомобилей, не помнят даже старики. В США, где количество машин превышает численность населения, в ежегодных авариях гибнут несколько десятков тысяч человек, а количество раненых в три раза больше. Это превосходит все потери американцев во всех их войнах вне своей страны. В этих условиях пра-

вовой акт, определяющий взаимоотношения между пострадавшими и виновниками аварий, был необходим. В СССР существовало добровольное страхование. Когда я попал в аварию, Госстрах выплатил мне 3000 р., а починка обошлась в 25000. Пришлось занимать деньги, а потом более полугода расплачиваться. В США, когда на меня наехали, появившийся через пять минут полицейский забрал у нас страховые свидетельства и водительские права, поколдовал на своем компьютере, через 5 минут вернул нам все документы и сообщил № кейса (дела). В тот же день я проинформировал о происшествии страховую компанию и подъехал в автомастерскую, где мне бесплатно выдали документ о стоимости ремонта. На следующий день приехал оценщик страховой компании, посмотрел в компьютер, и выписал мне чек. Денег на ремонт вполне хватило, и он был сделан за неделю. Затем я и мой пассажир посетили реабилитационный офис, где нам предстояло «полечиться». Через год практикующий в нем адвокат выиграл в суде наше дело у адвоката страховой компании виновника аварии. Сумма иска 25000, из которых я и мой пассажир получили по 7000. Правда, на следующий год моя компания подняла мне страховой взнос на 50%. Виновнику страховка обошлась еще больше».

А что будет у нас? Весь описанный Соловейчиком негатив, и ничего из их сервиса. Останется все так, как он написал про свою у нас аварию 15-летней давности.

Прочитал на днях «Роман с президентом» В. Костикова о пресс-секретарской работе у Ельцина. Когда взял в руки книгу, подумал: «А может зря так резко критикую всех отирающихся возле тронов разного сорта советников, дай, посмотрю, может этот, показавшийся мне симпатичным мужиком, из другой породы?». Нет, ничем не отличается ни от Волкогонова, ни от Бурлацкого, ни от Яковлева. То же воздействие «кремлевских коридоров» и та же увлеченность бытописанием дворцовых интриг в борьбе за власть и место «на Олимпе». Холопское преклонение перед хозяином, преувеличенное представление о полезности советнических «находок», критика всех ему подобных и выгораживание себя. Та же подчиненность своего существования марксистской формуле: «бытие определяет сознание» и полное соответствие житейской норме: «Скажи нам, где ты и с кем служишь, кто твои друзья, а мы скажем, кто есть ты сам».

Три с половиной сотни страниц описаний дворцовой мерзости. Как обойти, объехать, улучшить момент для встречи, где и с кем рядом сесть или встать, что сказать, когда и через кого передать нужную бумагу, как не обидеть босса и удержаться в кресле? Шут Костиков гороховый, как унизительно окрестил его А. Коржаков, а никакой не советник.

Только успел отложить ее, попала в руки еще «Кремлевская хроника» А. Грачева, бывшего пресс-секретаря, но теперь Горбачева. Естественно, то же впечатление, те же описания дворцовой мишуры на фоне полного незнания исходных жизненных реалий. Как результат, побуждения главного «героя» и самого автора выдаются за действия, желаемое за действительность, а состоявшееся – за якобы ранее ими предвидимое и ожидаемое. После, к примеру, августовских 1991 года событий все было ясно подавляющему мыслящему большинству. Ельцин давно уже говорил открытым текстом о Москве, как столице России, а Горбачев, по Грачеву, продолжал строить воздушные замки и заниматься обоснованием проистекающего. И так у Грачева почти все – вне причинно-следственных связей, а часто и вне элементарной логики.

Третья – на ту же тему – «Борис Ельцин: от рассвета до заката». Автор ее упомянутый ельцинский телохранитель Коржаков. Он тоже служит, но служит от души, от природного естества, служит Хозяину, а не дворцовому коридору, и потому описания того же, хотя и сделаны в духе бестселлера, более правдоподобны. Пишет не из-за угла, а прямо. Пьет и вкусно закусывает икоркой и балычком сам, также пользуется и прочими благами. Но за верную, как считает, службу, за духовную преданность хозяину. В его подвигах нет униженности, он по-своему честен, благороден и даже добр. Живет и действует по давно отработанному правилу, что не он, так другой такой же занял бы место, что трон не может существовать без подобного окружения. Отсюда его описания вполне воспринимаются и не вызывают чувства неловкости, про-

истекающей от авторской тенденциозности и предвзятости, от униженности перед хозяином, да еще не назначенном тебе насильно, а тобой выбранном.

Прочитал для сравнения и книжку «Борис Ельцин», написанную бывшими соотечественниками Соловьевым и Клепиковой, ныне проживающими в Америке, и потому, как установлено, способными к независимому и более объективному описанию их интересующего. С ними согласен, все у них правильно. Но замечу, мне для характеристики этих «борцов» за власть потребовалось всего пять страничек, а Соловьеву и Клепиковой четыре сотни. Чтобы создать свой труд они перечитали сотню разных книг и статей и переговорили с не меньшим числом свидетелей и участников событий того времени. Я же написал о Горбачеве и Ельцине, руководствуясь только их делами. Такой подход позволил мне дать более более корректную оценку истинных, вне дворцовой мишуры и прочих мелочей, их деяний и описываемых событий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.